

А. Д. Кошелев

КОГНИТИВНЫЙ

АНАЛИЗ

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

КОНЦЕПТОВ

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

А. Д. Кошелев

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
КОНЦЕПТОВ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2015

УДК 80/81
ББК 81
К 76

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках *Федеральной целевой программы*
«Культура России (2012—2018 годы)»

Кошелев А. Д.

К 76 Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. —
М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. — 280 с.—
(Studia philologica).

ISBN 978-5-9905759-9-8

В книге излагается референциальный подход к описанию основного лексического значения. Оно задается не толкованием, а дуальной структурой когнитивных единиц «Прототип — Ядро», где Прототип — это визуальная характеристика т и п и ч н ы х референтов слова (он помогает понять услышанное слово), а Ядро — функциональная характеристика в с е х референтов слова (оно обеспечивает его референцию).

В первой главе в референциальном ключе определяются основные значения конкретной лексики (существительных и глаголов): *стул, кресло, табурет, банан, букет, дерево, озеро, ударить, падать, брать / взять, взбираться, рисовать, стоять, сидеть, лежать, висеть, идти, бежать, ползти, шагать, прыгать, ехать*.

Вторая глава посвящена абстрактным словам типа *игра, живой*. Общего Прототипа они не имеют, поэтому их основное значение сводится к Ядру. В главе даны определения основных значений (Ядер) слов *игра / играть, свобода, сейчас, старый, время, живой / живое*. В заключительном параграфе рассмотрен концепт КОМИЧЕСКОЕ. Указано различие между просто смешной и комичной ситуацией, дано определение концепта и высказана гипотеза о функции смеха.

Книга предназначена для специалистов в области теоретической и когнитивной семантики, теории референции и лексикографии. Она будет полезна также более широкому кругу читателей, интересующихся природой значения слова и его номинативными возможностями.

УДК 80/81
ББК 81

В оформлении переплета использована картина Рене Магритта «Стул»

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9905759-9-8

© Кошелев А. Д., 2015

© Рукописные памятники Древней Руси, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	I–II
Введение	III–XII
Глава 1.	
Референциальный подход к описанию знаменательной лексики	7
§ 1. О референциальном подходе к лексической семантике	7
§ 2. Анализ основных значений глаголов действия <i>ударить</i> , <i>коснуться</i> , <i>толкнуть</i> , <i>падать</i> , <i>брать / взять</i> , <i>взбираться</i> и <i>рисовать</i>	35
§ 3. Глаголы неподвижного положения в пространстве <i>стоять</i> , <i>сидеть</i> , <i>лежать</i> и <i>висеть</i>	65
§ 4. Глаголы движение <i>идти</i> , <i>бежать</i> , <i>ползти</i> , <i>шагать</i> , <i>прыгать</i> и <i>ехать</i>	79
§ 5. Об основаниях когнитивной классификации предметов и действий	105
Приложение 1.	
Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука	129
Приложение 2.	
Раннее усвоение ребенком законов физического мира	139
Глава 2.	
Анализ основных значений абстрактных слов	145
§ 1. Образуют ли игры строгую категорию?	146
§ 2. Основное значение слова <i>свобода</i>	169
§ 3. Система значений наречия <i>сейчас</i>	175
§ 4. Универсальное прилагательное <i>старый</i>	187
§ 5. Концепт ВРЕМЯ	199
§ 6. Концепт ЖИВОЙ / ЖИВОЕ	211
§ 7. О сущности комического (концепт КОМИЧЕСКОЕ)	221
Приложение.	
О профессоре БАЕВСКОМ. Воспоминания ученика	243
Литература	256
Указатель лексем	264
Указатель имен	265

БЛАГОДАРНОСТИ

Настоящая книга — результат многолетних размышлений над проблемами лексической семантики. На разных этапах работы мне существенно помогли советы и критические замечания В. Г. Бондаренко, С. А. Жигалкина, М. И. Козлова, И. А. Мельчука, Н. В. Перцова, Т. В. Самариной, Е. Г. Сметанниковой, В. В. Столяровой и Е. С. Яковлевой.

Пожалуй, наибольшая нагрузка выпала на долю моей жены Е. С. Яковлевой. Коснусь лишь этапа работы над книгой. Мало того что на протяжении почти всего этого времени она вычитывала сырые тексты, так еще параллельно ей приходилось быть испытуемой в моих «референциальных экспериментах», т. е. отвечать на вопросы типа:

— О выкипающем кофе корректно сказать *Кофе бежит*. О молоке — тоже. А сказать *Вода бежит* корректно? Нет? Хорошо, а сказать *Суп бежит*, нормально? Сомнительно? Ну а каша, густая перловая каша, бежит или нет? Нет? Ну прости, последний вопрос: а жидкая манная каша при выкипании бежит? Да или нет? Так, теперь наипоследний вопрос, из другой оперы: нормально сказать *Муха бежит по столу*? Или она всегда только ползет?..

— Послушай, если пианист солирует, то он играет. А если он аккомпанирует? Корректно сказать, что и в этом случае он играет? Нет? Хорошо, а если он импровизирует, можно сказать, что он играет? Тоже нет? Понятно...

С М. И. Козловым мы вместе начинали изучение языковой семантики, что отражено в двух ранних совместных публикациях. Позднее стремление М.И. к философским осмыслениям языковых проблем и критика с этих позиций моих, зачастую гораздо более конкретных, построений, делали наши обсуждения и споры практически нескончаемыми. Не помню случая, чтобы мы пришли к согласию. Тем не менее каким-то парадоксальным образом эти

споры делали свое дело: мои работы, похоже, обретали бóльшую ясность и, как следствие, — убедительность.

Наше научное сотрудничество с Н. В. Перцовым разделяется на два этапа. Первый этап (1995—1996 гг.) связан с подготовкой и изданием в 1996 г. «Московского лингвистического альманаха», вып. 1. На этот период пришлось интенсивные обсуждения ряда окончательных, как мне тогда казалось, результатов, полученных на основе развиваемого мною референциального подхода к описанию лексики. Весьма важным для меня в этом смысле был семинар по семантике, который мы с Н.В. в то время вели в РГГУ. В рамках второго этапа нашего научного сотрудничества, начавшегося несколько лет назад, Н.В. прочел бóльшую часть настоящей книги. Высказанные им замечания и советы оказались для меня весьма полезными.

Важную роль в кристаллизации моих научных взглядов сыграли обсуждения некоторых проблем лексической семантики с И. А. Мельчуком. Наиболее интенсивный характер эти обсуждения носили в 1995 г. (см. нашу переписку в Приложении 1 к первой главе) и в 2005 г., что нашло отражение в двухчасовом интервью, которое мне дал И.А. (в нем речь шла в том числе о некоторых общих вопросах функционирования языка). Несмотря на антагонизм наших позиций практически по всем обсуждавшимся вопросам, эти дискуссии оказались для меня чрезвычайно полезными.

В своих работах я стремился включать конкретные исследования в более широкий научный контекст, иногда далеко выходящий за пределы классической лингвистики. Особую роль в этом плане сыграло мое общение с философом и математиком С. А. Жигалкиным. Знаток античной философии, он не раз указывал на древнегреческие источники моих «синхронических» построений, помогая мне тем самым восстанавливать «связь времен».

Дорогие соавторы! Всем вам, а также коллегам, не упомянутым в моем коротком списке (критические замечания и конструктивные предложения поступали и от многих других исследователей) — моя огромная благодарность.

Нечего и говорить, что за неточности, сомнительные утверждения и ошибки в тексте книги несу ответственность только я сам.

А. Д. Кошелев,
4 мая 2015 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Общие принципы построения семантической теории.

В нескольких недавних публикациях мы подробно рассмотрели кризис, охвативший теоретическую лингвистику во второй половине XX в. [Кошелев 2013а; 2013б; 2015а]. Сущность этого кризиса заключается в том, что уже более полувека в лингвистике существует одновременно множество несовместимых концепций языка: Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. А. Мельчука, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Т. Гивона, Ч. Филлмора (грамматика конструкций), А. Вежбицкой и др. В результате этого, лингвистическое сообщество разделилось на ряд противоборствующих или просто игнорирующих друг друга научных школ. Новые результаты в изучении языка, полученные в рамках одной теории, скажем генеративного подхода Н. Хомского и его школы, не признаются сторонниками другой теории, скажем когнитивного подхода к языку, например Дж. Лакоффом и его коллегами. В результате оказывается, что теоретическая лингвистика движется по нескольким расходящимся, удаляющимся один от другого путям. А значит, не происходит накопления и углубления объективных научных знаний о языке как целостном объекте.

Естественным образом общетеоретический антагонизм проецируется и на семантические концепции, причем это касается не только относительно далеких, но и достаточно близких теорий, таких, например, как теории Дж. Лакоффа [Лакофф 2004] и В. Эванса [Эванс 2015] (см. их сопоставительный анализ в [Кошелев 2015б: 330—335]). Таким образом, общелингвистический кризис не обошел и область семантических исследований.

Данная книга призвана преодолеть сложившуюся кризисную ситуацию в теоретической семантике. Предлагаемый нами референциальный подход к описанию лексических значений базируется на трех фундаментальных принципах, которым, на наш взгляд, должна удовлетворять любая семантическая теория. Принятие

лингвистическим сообществом этих принципов позволит вернуть исследование языковой семантики в привычное для любой науки русло, когда для объяснения того или иного явления используется одна доминирующая теория (подобная теории Дарвина в эволюционной биологии) или две-три конкурирующие (как в общей теории поля в современной физике).

Дадим сначала самые общие формулировки. Семантическая теория должна:

- 1) объяснять механизм образования новых лексических значений слов носителями языка;
- 2) объяснять механизм формирования у ребенка первых представлений о лексических значениях слов;
- 3) опираться при определении лексических значений не на вербальные описания (толкования), а на специальную систему когнитивных понятий (подобно любой другой науке, использующей не естественный, а свой собственный язык для описания своих объектов).

Здесь нет возможности обсуждать вопрос, почему именно эти принципы столь важны. Отметим лишь, что это — набор необходимых принципов. Они тесно связаны между собой, и при исключении любого из них два оставшихся утрачивают свое значение.

Рассмотрим наши принципы подробнее.

2. Многозначность лексики. Одним из фундаментальных свойств лексики является ее многозначность. Причем это многозначность особого рода. Носители языка в своей речи употребляют слова не только в их узуальных (общеизвестных и зафиксированных словарями) значениях. Они постоянно используют слова в окказиональных, т. е. в новых, неизвестных и не встречавшихся им ранее значениях. И, несмотря на новизну окказионального употребления слова, окружающие, как правило, хорошо его понимают¹.

---

¹ Как отмечал в конце XIX в. Г. Пауль, значение, приобретаемое словом в конкретном акте употребления, не обязательно должно совпадать с его узуальным значением. Пауль называл окказиональным значением то содержание, которое говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения и которое, как полагает говорящий, свяжет, в свою очередь, и слушатель с этим словом [Пауль 1960: 93—94].

Например, к матери подбегает запыхавшийся, часто дышащий сын, и она ему говорит: *Ах ты, моя собачка*, уподобляя сына их маленькой собачке, которая так же мелко и часто дышит. Подчеркнем: это свойство не является типичным для собак в целом, но оно характерно для собаки, которую и мать, и сын хорошо знают. Следовательно, таких окказиональных значений у слова *собака* может быть столько, сколько частных свойств может быть у собаки, т. е. в принципе бесконечно много².

Через минуту о таком окказиональном употреблении слова *собака* уже никто не вспомнит. Оно больше не повторится в других ситуациях, а потому не осядет в памяти носителей языка и не превратится в новое узусальное значение.

Ю. С. Маслов называл такие употребления мимолетными [Маслов 1987: 104]. Они, повторимся, не хранятся в памяти носителей языка и не фиксируются словарями. Возможно, поэтому они оказались на периферии современной отечественной лексикологии, поскольку, как отмечает Анна А. Зализняк, «с л о в а р ь стал сейчас, по-видимому, самым популярным жанром лингвистической литературы ([Зализняк Анна 2001: 13], выделено автором. — А. К.); см., впрочем, [Лещева 2013: 204].

Между тем окказиональные употребления слов представляют главное свойство человеческой лексики, отличающее ее от знаков всех других известных «языков»: систем коммуникации животных; языков-посредников, используемых «говорящими» антропоидами (Уошо, Канзи и др.); по-видимому, от протоязыка — непосредственного предшественника общечеловеческого праязыка³; от языков программирования (Бейсика, Паскаля и пр.); языка

---

² По-русски можно в сердцах сказать о вероломном человеке или нашкодившем животном *Ах ты, собака!* Ср. также следующий анекдот. Немец (согласно русскоязычным народным представлениям, человек весьма аккуратный, педантичный), изучавший русский язык, приехал в российскую деревню проверить свои знания. В первый же день он встретил старушку, которая гнала гусей, крича им вслед: «Пошли вон, козлы поганые!» — «Бабушка, — спрашивает он, — почему ты гусей называешь козлами?» — «Да потому, что эти свиньи весь мой огород истоптали, собаки!»

³ В статье [Кошелев 2013в] мы стремились показать, что лексический протоязык [Бикертон 2012] — непосредственный предшествен-

математики и др. Именно способность носителей языка порождать и понимать окказиональные употребления слова делает множество его значений потенциально бесконечным (неограниченная, или бесконечная, полисемия)⁴.

В свете сказанного становится понятным, что одна из главных проблем лексикологии связана с объяснением механизма образования у слова новых значений, как узуальных, так и окказиональных.

Всякое окказиональное употребление слова возникает в результате семантической деривации — своеобразной модификации уже известного, узуального значения. Можно предположить, что в процессе употребления слов говорящий в любой момент может использовать механизм семантической деривации. Если для решения текущей номинативной задачи у него не нашлось адекватного узуального значения, включается этот механизм. Говорящий выбирает слово с подходящим значением и формирует на его основе новое, окказиональное употребление. В случае если это употребление в дальнейшем «приживается», т. е. становится высокочастотным в речи носителей языка, оно оседает в их долговременной памяти, превращаясь в новое узуальное значение. И наоборот, если узуальное значение перестает активно использоваться, оно забывается и элиминируется.

Итак, механизм семантической деривации, порождающий окказиональные употребления, является главным участником процесса формирования новых значений лексики. Поэтому, в соответствии с первым принципом, семантическая теория должна объяснять его работу.

3. «Значение есть концепт». В рассмотренном только что процессе неявно предполагалось, что у слова уже есть хотя бы одно значение. Естественно задаться вопросом: а как у слова появляется первое (и основное) узуальное значение, из которого затем

ник общечеловеческого праязыка — обладал однозначной лексикой, а при трансформации в праязык его лексика обрела вторичные, переносные значения и стала многозначной.

⁴ Как отмечается в [Лещева 2013: 193], согласно подсчетам Д. Хофмана, в среднем англоговорящий употребляет около 3000 новых окказиональных значений в неделю [Stachowiak 1985: 561].

формируются другие значения — переносные узуальные и окказиональные? Чтобы найти ответ, необходимо понять, как у ребенка в процессе усвоения слов родного языка формируются их первые, или исходные, значения.

Согласно когнитивным исследованиям Э. Рош с соавторами, исходными значениями детской лексики становятся базовые концепты, которые формируются у ребенка до начала усвоения слов и первыми получают словесные имена [Rosch et al. 1976: 435], ср. также:

Когнитивные модели... основываются на гипотезе, согласно которой «значение есть концепт». Это интуитивное представление идет еще от античных стоиков и Платона [Seuren 1998]. Согласно этим представлениям, пониманию слов *dog* или *собака* предшествует формирование концепта. В данном случае это мысленный образ млекопитающего средних размеров. Таким образом, концепт существует прежде лингвистических процедур, то есть он сформирован до того, как станет известно обозначающее его слово [Фитч 2013: 151—152].

Итак, исходными, или основными, значениями усваиваемых ребенком существительных становятся базовые концепты, возникающие (в своем первоначальном виде) до освоения родного языка и независимо от него в результате когнитивного развития ребенка и его взаимодействия с окружающим миром. Здесь мы реализуем второй принцип — объясняем появление первых представлений о лексических значениях слов у ребенка.

4. Когнитивный язык. Из сказанного с неизбежностью следует необходимость третьего принципа — опираться при определении лексических значений не на вербальные описания (толкования), а на специальную систему когнитивных понятий. В самом деле, если основное значение слова — это базовый концепт, т. е. сугубо когнитивное понятие, то, для того чтобы объяснять применение к нему механизма семантической деривации, необходимо иметь его когнитивное (а не вербальное) определение. Следовательно, семантическая теория должна иметь свой набор когнитивных понятий и конструкций, посредством которых можно было бы адекватно определять базовые концепты и процедуры семантической деривации. А это означает, что в семантической теории

все лексические значения, как узуальные, так и окказиональные, должны получать описания на этом когнитивном языке. Ведь вновь возникшее узуальное значение может подвергнуться дальнейшей семантической деривации.

5. Референциальная семантическая теория. Рассмотрим кратко развиваемую нами версию семантической теории, реализующую три перечисленных выше принципа. Мы будем называть ее референциальной теорией, или референциальным подходом. В рамках этого подхода мы принимаем две дополнительных гипотезы.

Первая гипотеза. Имея в виду, что «значение есть концепт», мы определяем основное значение следующим образом:

- (1) Основное значение существительного (= базовый концепт) =
 Прототип (Образ, Форма) референтов слова ← семантическое
 Ядро ($\approx$ Функция) референтов,

где Прототип — это типичный внешний облик референтов слова, их перцептивная, главным образом визуальная, характеристика, а семантическое Ядро, или Функция, — это недоступная восприятию интенциональная, антропоцентрическая характеристика, присущая всем без исключения референтам и отражающая ту роль, которую они играют для носителя языка в рамках его категориальной таксономии мира. Стрелка ($\leftarrow$) обозначает отношение интерпретации: Ядро приписывается Прототипу как его содержание, смысл.

Как мы показываем на ряде конкретных примеров, именно посредством Ядра (Функции) основное значение задает строгую категорию референтов слова, которая присуща всем без исключения референтам и отражает их специфическую роль для человека.

Вторая гипотеза. Механизм семантической деривации обеспечивается тремя процедурами: образованием метафор, метонимий и синекдох. Все остальные процедуры, часто указываемые различными авторами [Пауль 1960: 114—122], сводятся к перечисленным.

Будучи примененными к значению слова и его составляющим, эти процедуры порождают различные варианты семантической деривации данного значения — производные значения и их употребления.

Для иллюстрации сказанного рассмотрим систему значений слова *тарелка*. В соответствии с (1) получаем:

(2) **Тарелка 1** (основное значение) =

Прототип (типичный Образ, Форма): «Круглый плоский предмет с приподнятыми краями» ←

Ядро (примерно): «Функция: это — контейнер для порции готовой к употреблению пищи для одного человека, чтобы он начал есть ее небольшими частями, ПОЭТОМУ характерные Действия: в него кладется пища, а затем человек ложкой или вилкой перемещает небольшие части этой пищи себе в рот».

Ядро (функционально-каузальная характеристика референта) объясняет функцию референта и причину действий с ним: человек кладет в тарелку порцию пищи, обособляя ее как свою, чтобы съесть определенным образом — перемещать в рот небольшими частями. Именно ядро задает категорию «Тарелка». С одной стороны, с помощью ядра отклоняются предметы, не удовлетворяющие прототипу. К примеру, сковородка без ручки имеет форму тарелки, и, более того, человек может есть из нее, скажем, поджаренную яичницу. Но назвать сковородку тарелкой нельзя, поскольку ядро требует, чтобы в контейнер помещалась «порция готовой пищи». Блюдо тоже нельзя назвать тарелкой. Оно часто имеет вид большой тарелки, но функция у него иная. Это контейнер для размещения в нем пищи для нескольких человек. И действия с ним осуществляются другие: из него сидящие за столом берут порции пищи и либо кладут в свои тарелки, а затем только начинают есть (порции жаркого), либо сразу начинают есть, держа в руке (пирожки). По схожим причинам и блюдце нельзя назвать тарелкой. С другой стороны, благодаря ядру мы называем словом *тарелка* предметы, не соответствующие прототипу или указанному действию. Например, блины могут подаваться на совершенно плоской одноразовой тарелке; в походе нередко печеный картофель берут из тарелок не вилками, а пальцами.

Заметим, что словарные толкования (*Тарелка* — ‘Столовая посуда с плоским дном и приподнятыми краями’ [МАС, IV: 341]; *Plate* — ‘A flat container with low sides, for serving food from or cooking food in’ [Longman 2009: 484]) не пригодны для решения этих задач.

Ожидаемое возражение: но описание (2) тоже вербально и в этом плане подобно словарным толкованиям. Это, однако, не так. В (2) посредством языковых выражений определяются когнитивные единицы. Аналогичным образом свои понятия определяют, скажем, физика или биология.

Перечислим кратко производные значения слова *тарелка*:

тарелка (производные значения):

2. ‘Содержимое тарелки’. *Две тарелки съел* (метонимия).
3. ‘Объем тарелки’. *Миска в три тарелки* (метонимия).
4. ‘Плоская медная пластина ударного музыкального инструмента’ (метафора).
5. ‘Неопознанный летающий объект округлой формы’. *Летающая тарелка* (метафора).
6. ‘Спутниковая антенна в форме тарелки’ (метафора).
7. ‘Механическая деталь, имеющая вид плоского диска’. *Тарелка клапана* (метафора).

Выше мы показали, что ядро должно быть строго отделено от прототипа, поскольку членами категории «Тарелка» могут быть контейнеры, не отвечающие прототипической форме, например плоские одноразовые тарелки для блинов. Здесь мы видим, что и визуальный образ (форма) должен быть строго отделен от остальных компонентов: все метафоры опираются исключительно на него.

К этим узуальным значениям (они фиксируются в словарях) прибавляется большое количество окказиональных употреблений: можно назвать словом *тарелка* шляпу с плоскими краями, аналогичной формы люстру и т. д.

Как мы видим, наряду с основным значением, механизм семантической деривации является важнейшим компонентом, обеспечивающим функционирование слова в речи.

Книга посвящена исключительно анализу основного значения слова. Наряду с обсуждениями общетеоретического характера, в ней приводится целый ряд определений основных лексических значений слов (существительных и глаголов), как конкретных (глава 1), так и абстрактных (глава 2). В следующей книге будут проанализированы переносные значения и окказиональные употребления слова, возникшие на базе его основного значения, и рассмотрены механизмы их образования.

ГЛАВА 1

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В первой главе изложен референциальный подход к описанию основных значений сенсорной лексики — существительных и глаголов, обозначающих «видимые» референты (предметы и физические действия). Главная цель референциального описания — строго определить основное значение слова и, соответственно, категорию его прямых референтов.

§1. О РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОМ ПОДХОДЕ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

1. ДУАЛЬНАЯ СХЕМА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

1.1. Проблема референции (обозначения). Носитель языка с легкостью, не задумываясь, называет словами те или иные фрагменты действительности: предметы, действия, состояния, качества, ситуации и пр. Причем делает он это, как правило, в полном согласии с другими носителями языка. Например, увидев закипающий кофе, он воскликнет *Кофе бежит!* — и все мы прекрасно его понимаем (и хорошо представляем референт этой фразы). Точно так же говорящий может воскликнуть *Молоко бежит!*. Однако, если в той же кастрюле закипает и переливается через край не молоко, а вода, он вряд ли скажет **Вода бежит!*, поскольку и он, и другие носители языка знают, что по-русски про воду так сказать нельзя. Естественно, возникает вопрос: почему? Ведь внешне референт-

ные ситуации практически неразличимы. Можно, конечно, указать, что в первом случае жидкость при кипении пенится, а во втором — нет. Но суп при закипании тоже пенится, однако по-русски ?*Суп бежит* звучит хоть и допустимо, но довольно странно.

Ответы на этот вопрос не дают и толковые словари; ср. толкование из [Активный словарь 2014, I: 183]:

бежать 4.4, редк. или уходящ. *Кофе бежит*.

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 бежит* ‘Жидкая субстанция *А1* переливается через край сосуда *А2*, в котором она находится, потому что она кипит’ [обычно об актуально наблюдаемом процессе].

Это толкование свободно допускает фразу *Вода бежит (= ‘Вода переливается через край сосуда, потому что кипит’)¹.

Вообще, следует сказать, что ни толковые словари, ни научная лексикография не дают строгих дефиниций лексических значений, объясняющих, в каких случаях можно обозначить увиденное явление данным словом, в каких такое обозначение менее естественно, а в каких — недопустимо. Это верно не только для производных значений типа **бежать 4.4**, но и для основных значений слова. Причем не только для сложных слов типа *игра*, референты которых чрезвычайно разнообразны, но и для самых простых слов, таких как *стул*, *кресло*, *идти*, *бежать*, *старый* и под.

О традиционной трактовке основного значения слова.

Коснемся кратко основных положений традиционного подхода, опираясь на ставшие уже классическими труды Д. Н. Шмелева и Дж. Лайонза.

Начнем с монографии [Шмелев 1977]:

В лексикологии ... слова изучаются, прежде всего, как единицы номинации, т. е. как языковые единицы, служащие для называния предметов и явлений окружающей действительности, их выделения и формирования соответствующих понятий [Там же: 3]. Значение слова — отражение в слове того или иного явления действительности (предмета, качества, отношения, действия, процесса). <...> В основе значения каждого знаменательного слова лежит именно понятие, содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка

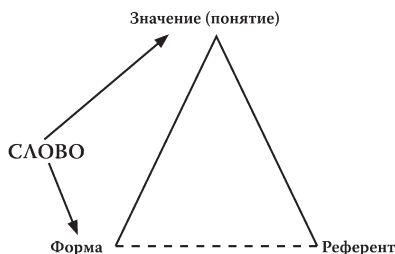
¹ Более точное толкование, объясняющее некорректность/странность высказываний *Вода/суп бежит*, дано в § 4, п. 1.5.

действительности, т. е. такие признаки, которые дают возможность объединить единичные предметы и явления в определенные классы ... Понятие и составляет ядро лексического значения слова [Шмелев 1977: 58, 60; разрядка автора. — А. К.].

Весьма близкая трактовка значения слова дана в [Лайонз 1978: 427—428]:

Слово считалось «знаком», состоящим из двух частей; мы будем называть эти два компонента *формой* слова и его *значением*. <...> форма слова ... обозначает «вещи» посредством «понятия», ассоциируемого с формой в умах говорящих на данном языке; и это понятие является значением слова (его *significatio*). Эту концепцию мы и будем считать традиционным взглядом на отношение между словами и вещами.

<...> полезно ввести современный термин для обозначения «вещей», рассматриваемых с точки зрения «называния», «именования» их словами. Это — термин «референция». Мы будем говорить, что соотношение между словами и вещами (их референтами) есть отношение референции (соотнесенности): слова соотносятся с вещами (а не «обозначают» и не «именуют» их). Если принять разграничение формы, значения и референта, то мы можем дать известное схематическое представление традиционного взгляда на взаимоотношение между ними в виде треугольника, см. рисунок ниже.

Пунктирная линия между формой и референтом указывает на то, что отношение между ними носит непрямой характер; форма связана со своим референтом через опосредующее значение, которое ассоциируется с каждым из них независимо.

Приведенная выше схема знака задает отношение референции: слово именуется вещь через посредство значения (понятия). Если убрать пунктирную линию (непосредственной связи

между формой слова и его референтом нет) и заменить отдельный референт на класс всех референтов, то получим следующий (линейный) вариант семантической схемы слова:

(*) Слово — Значение (понятие) — Класс референтов,

где тире обозначает ассоциативную связь.

Фигурирующее в (*) значение-понятие принято называть основным значением слова. Это наиболее конкретное и наглядное из множества его значений. Оно описывает класс сходных фрагментов реального мира, ср.: «Обозначая явление, предмет, слово (в основном значении. — А. К.)... отражает понимание “кусочка действительности” и его отношений к другим элементам той же действительности» [Виноградов 1977: 163].

Следует иметь в виду, что традиционный подход не является общепризнанным. «Наибольшую критику... вызывает само понятие “понятие”. Оно ненаблюдаемо и является научным конструктом» [Кронгауз 2001: 72].

Одна из главных проблем традиционного подхода связана с эксплицитным описанием основного значения. Толкование слова, которое должно играть роль такого описания, как правило, не выполняет ни одной из указанных В. В. Виноградовым функций. Во-первых, вместо полного описания класса прямых референтов слова оно характеризует лишь подкласс его типичных референтов. Во-вторых, оно не нацелено на описание отношений референтов слова к «другим элементам той же действительности». Это касается как словарных, так и научных толкований.

Проиллюстрируем сказанное на примере слова *банан*. В современном толковом словаре [БТС: 58] ему дается такое толкование (сокращенный вариант):

Банан 1 = Продолговатый, желтого цвета, сладкий, мучнистый плод бананового дерева (= высокого тропического растения с огромными листьями ...).

Научное толкование Ю. Д. Апресяна отличается лишь большей подробностью:

Банан 1.1. ЗНАЧЕНИЕ. ‘Южный фрукт удлиненной и слегка изогнутой формы, обычно немного длиннее человеческой ладони, с толстой гладкой желтой кожурой, очень нежной слегка муч-

нистой сладкой плотью без косточек внутри, растущий на травянистом растении, который обычно едят в сыром виде'...

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Зеленые <спелые> бананы; гнилые <испорченные> бананы...* [Активный словарь 2014, I: 148]

Очевидно, что эти толкования характеризуют лишь подкласс типичных бананов-референтов. Вне этого круга оказывается немало менее типичных, но не менее полноправных референтов, например зеленый незрелый, или коричневый перезрелый, или вообще гнилой банан.

Нетрудно убедиться также, что данные толкования не позволяют объяснить семантическую сочетаемость слова *банан* с другими словами. Например, выражение *зеленый банан* вполне корректно и имеет немало референтов. Однако из толкований, утверждающих, что банан — желтый, следует, что оно недопустимо. Это же верно и для выражения *горький банан*. Оно, безусловно, корректно и может иметь вполне реальный референт. Однако, опираясь на характеристику 'сладкий', содержащуюся в приведенных толкованиях, мы неизбежно должны признать его некорректным. Правда, научное толкование сопровождается перечислением некоторых возможных словосочетаний: *зеленые бананы; гнилые бананы* и др. Но они противоречат толкованию, утверждающему, что банан желтый и сладкий. И это противоречие никак не разрешается.

Указанные проблемы будут в центре нашего нижеследующего анализа.

План изложения. Далее в первой главе мы будем рассматривать только сенсорную лексику — конкретные существительные и глаголы, референты которых (объекты и действия) доступны визуальному (шире, перцептивному) распознаванию.

Для них мы покажем следующее:

1. Основное значение сенсорного слова (и существительного, и глагола) имеет дуальную структуру: «Прототип — семантическое Ядро», где Прототип отражает свойства (преимущественно визуальные) типичных референтов слова, а семантическое Ядро — характеристическое свойство, присущее всем (типичным и не типичным) его референтам.

2. Словарные и научные толкования сенсорных слов сосредоточены на описании исключительно прототипического компо-

нента основного значения слова, т. е. фиксируют лишь типичные свойства его референтов. Описание ядерного компонента значения в толкованиях отсутствует.

3. Оба эти тезиса будут проиллюстрированы на примерах анализа существительных *стул*, *кресло*, *табурет* и глаголов *идти*, *бежать*, *ударить*.

4. Для слов *стул*, *кресло*, *табурет* и *ударить* будут даны эксплицитные описания основных значений в виде схемы «Прототип — Ядро».

1.2. Толкования существительных *стул* и *кресло*. Чтобы проиллюстрировать тезисы 1 и 2, приведем различные толкования основных значений слов *стул* и *кресло*, взятые из традиционных толковых словарей и из научных работ. Их сходство в том, что и словарные и научные толкования описывают лишь прототипические референты.

Толковые словари:

- (1а) **стул 1.** Род мебели для сидения, снабженный спинкой (на одного человека) [Словарь Ушакова, IV: стб. 571].
- (2а) **кресло 1.** Род стула с ручками для опоры локтей [Там же, I: стб. 1510].
- (1б) **chair 1.** A piece of furniture for one person to sit on, which has a back, seat and four legs: *a kitchen chair* [Longman 2009: 262].
- (2б) **armchair 1.** A comfortable chair with sides that you can rest your arms on [Ibid.: 77].

Научные толкования:

- (1в) **стул 1.** ‘Предмет, имеющий сиденье и опору для спины и, обычно, четыре ножки и предназначенный для того, чтобы на нем сидел один человек’ [разновидность мебели].
- (2в) **кресло 1.** ‘Предмет, имеющий сиденье, опору для спины и две опоры для рук и предназначенный для того, чтобы на нем сидел один человек’ [разновидность мебели] [Санников 2010: 668, 670].

Легко понять, что ни одно из этих толкований не дает строгого определения соответствующего «кусочка действительности». Все они описывают лишь типичные стулья и кресла. Иначе говоря, они определяют прототипы стула и кресла.

Прототип референта — это действительно важная характеристика значения слова. К примеру, если иностранец, изучающий русский язык, встретит слова *стул* и *кресло* в каком-то тексте, то, обратившись к данным толкованиям, он сразу п о и м е т, что они означают, т. е. узнает, а) какие предметы обозначены воспринятыми словами и б) чем эти предметы различаются: у стула нет подлокотников, а у кресла они есть. Таким образом, толкование слова, описывающее прототипический компонент его значения — характерные свойства круга его типичных референтов, решает важную семантическую задачу: обеспечивает человеку п о н и м а н и е услышанного или прочитанного слова.

Понятно, однако, что прототип представляет собой только часть (один компонент) значения слова. Легко убедиться, что прототипические толкования (1а—2в) не обеспечивают решение другой, взаимобратной задачи: служить тому же иностранцу основанием для корректного обозначения этими словами воспринятых им предметов для сидения. Используемый в них внешний различительный признак (наличие / отсутствие подлокотников) не является характеристическим для классов референтов «Стулья» и «Кресла». В самом деле, с одной стороны, предметы мебели с подлокотниками, но низкой спинкой мы называем стулом, а не креслом (на рис. 1 это три стула слева). С другой стороны, иногда встречаются кресла без подлокотников (на рис. 1 это три кресла справа). Поэтому, опираясь на прототипы стула и кресла, иностранец не сможет корректно осуществлять эту обратную операцию — правильно обозначать этими словами реальные стулья и кресла².

---

² Обе эти операции — п о н и м а н и е слова и его р е ф е р е н ц и я (обозначение им объектов действительности) — реализуют две главные семантические функции слова в речи. А потому знания, обеспечивающие эти операции, безусловно, относятся к языковому значению слова и, шире, к языковым знаниям — той информации, «которая требуется иностранцу, чтобы правильно говорить по-русски» (формуловка И. А. Мельчука, устное сообщение).

Рис. 1. Визуальный признак: «наличие / отсутствие подлокотников» не является различительным для категорий «Стулья» и «Кресла», ср.: слева три стула с подлокотниками, а справа — три кресла без подлокотников.

Не вызывает сомнения тот факт, что у носителя русского языка категории «Стулья» и «Кресла» как-то разделены. В самом деле, крайне трудно сконструировать предмет, который занимал бы промежуточное положение между стулом и креслом и с одинаковым успехом (или не успехом) мог бы называться и стулом, и креслом. Чтобы убедиться в этом, достаточно набрать в каком-нибудь поисковике в Интернете слово *стул*, а затем кликнуть на пункт меню «картинки». В огромном разнообразии появившихся изображений стульев (как с подлокотниками, так и без них) не будет ни одного промежуточного кресло-стула. О каждом из них можно со всей определенностью сказать, стул это или кресло. Точно так же будет и в случае, если набрать слово *кресло*.

1.3. О структуре значения существительного. Главный вопрос, таким образом, заключается в следующем: какой характеристикой пользуется носитель языка для идентификации стула и кресла? Условимся далее называть эту характеристику семантическим ядром. Естественно предположить, что это второй и главный компонент основного значения слова. Ведь основное значение знаменательного слова задает категорию его прямых референтов, а первый компонент — прототип — этого не делает.

Сказанное позволяет предположить, что основное значение предметного существительного имеет дуальную структуру вида:

- (3) Основное значение существительного = Прототип — семантическое Ядро,

где прототип отражает типичные свойства референтов существительного (преимущественно визуальные), а ядро — характеристику, присущую всем его прямым рефе-

рентам, как типичным, так и не типичным. Первый компонент служит решению задачи понимания слова, а второй — его референции.

Описание прототипа и ядра для слов *стул* и *кресло* мы отложим до п. 2, а сейчас перейдем к другим примерам.

1.4. Толкования глаголов *идти* и *бежать*. Совершенно аналогичная ситуация имеет место и с глаголами действия, движения и положения в пространстве. И здесь как словарные, так и научные толкования снова описывают лишь прототипические действия-референты³. Чтобы проиллюстрировать это, приведем толкования основных значений глаголов *идти* и *бежать*, взятые из традиционных толковых словарей и из научных работ.

Толковые словари:

- (4a) **идти 1.** Передвигаться, ступая, делая шаги (о человеке и животном) [МАС, I: 631].
- (4б) **бежать 1.** Усиленно, скорым движением, быстро перебирая ногами, перемещаться в каком-либо направлении [Там же: 68].
- (5a) **walk 1.** to move forward by putting one foot in front of the other [Longman 2009: 1966].
- (5б) **run 1.** MOVE QUICKLY USING YOUR LEGS; to move very quickly, by moving your legs more quickly than when you walk: *He was running towards the door* [Ibid.: 1531].

Научная лексикография:

- (6a) **идти 1.** Двигаться, перебирая ногами, в нормальном темпе;
- бежать 1.** Двигаться, перебирая ногами, быстро [Гак 1977: 28].
- (6б) *Человек X идет из Y-а в Z* $\approx$ 'Человек X перемещается по поверхности из Y-а в Z, переступая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакта с поверхностью перемещения' (ср., в противоположность этому *бежать* — с периодической утратой контакта с поверхностью) [Апресян 1974/1995: 108].

Нетрудно убедиться, что все эти толкования описывают прототипы ходьбы и бега человека и их различия: меньшая/большая скорость движения или сохранение/утрата контакта

---

³ Обоснованность трактовки конкретных действий, обозначаемых глаголом, как его референтов подробно рассмотрена в п. 3.1 данного параграфа.

Научное издание

Алексей Дмитриевич Кошелев

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Корректор Е. Сметанникова
Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 01.03.2015. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 17,5. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Рукописные памятники Древней Руси».
№ государственной регистрации 1067746430102.
Phone: 8-495-624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4